

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник статей
к 85-летию

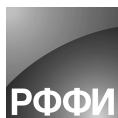
В. С. Храковского

Под редакцией
Д. В. Герасимова, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики

Издательский Дом ЯСК
Москва
2019

УДК 80/81
ББК 81
С 23

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект 18-112-00350, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты:

д. филол. наук *А. Ю. Русаков*, к. филол. наук *О. В. Кузнецова*

С 23 Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского / Под ред. Д. В. Герасимова, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 528 с.

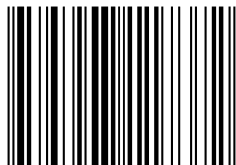
ISBN 978-5-907117-37-2

Настоящий сборник подготовлен к 85-летию выдающегося российско-го лингвиста проф. В. С. Храковского, одного из ведущих специалистов в области лингвистической типологии, аспектологии и теории синтаксиса, в течение многих лет возглавляющего Петербургскую типологическую школу.

В сборник включены статьи российских и зарубежных лингвистов, посвященные таким темам, в разное время находившимся в фокусе внимания В. С. Храковского, как общая и славянская аспектология, типология бипредикативных конструкций, теория диатез и залогов, взаимодействие грамматических категорий, эвиденциальность, лексико-семантический подход к синтаксису.

Книга адресована специалистам по теории грамматики, грамматической типологии, русскому языку.

ISBN 978-5-907117-37-2

9 785907 117372 >

УДК 80/81
ББК 81

© Авторы, 2019

© Издательский Дом ЯСК, 2019

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова
(ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, ИРЯ РАН, Москва)

Взаимодействие отрицания с акциональностью в нанайском языке*

1. Введение

В последние годы В. С. Храковский уделяет большое внимание проблемам взаимодействия глагольных категорий (см. [Храковский 1990; Мальчуков, Храковский 2015; Храковский, Мальчуков 2016], а также проект РНФ «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)» под его руководством). В этой статье мы постарались описать небольшой фрагмент грамматики нанайского языка, затрагивающий смежную тему взаимодействия грамматической категории и грамматических характеристик лексемы, а именно — глагольного отрицания и акциональности¹.

Исследование взаимодействия акциональности и глагольного отрицания интересно, как нам кажется, в двух аспектах. Первый связан собственно с проблематикой акциональной классификации и методов ее построения. Подобное исследование может показать, каким образом выражаются акциональные характеристики глаголов в их

* Данное исследование поддержано грантом РФФИ 16-34-01015 а2 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

¹ Под акциональностью понимается набор аспектуальных значений глагола, который характеризует глагольную лексему, но при этом не имеет грамматического выражения, в отличие от, например, категории вида.

отрицательных формах, или, если смотреть с другого ракурса, могут ли отрицательные конструкции служить диагностическим контекстом для определения акциональной характеристики глаголов. Этот вопрос связан с так называемой проблемой непрямого доступа, заключающейся в том, что акциональность не имеет собственных средств выражения, а проявляется косвенно, посредством особенностей употребления различных форм в различных контекстах (обсуждение этой проблемы см. в [Татевосов 2016: 18–35]). С. Г. Татевосов в своих работах [Tatevosov 2002; Татевосов 2005; 2010; 2015; 2016] рассматривает, как акциональность проявляется прежде всего в интерпретации (положительных) перфективных и имперфективных форм. Мы же постараемся посмотреть, как она проявляется в отрицательных формах.

Второй аспект связан скорее с проблематикой отрицания. Известно, что положительные и отрицательные формы часто ведут себя в самых разных отношениях асимметрично (см. [Miestamo 2005]). В языках мира зафиксированы, в частности, различия между ними в аспектуальной зоне (см. [Miestamo, Auwera 2011]). В свете этого любопытно было бы сравнить, насколько сильно различаются классификации глаголов, независимо полученные на основании анализа положительных форм и на основании анализа отрицательных форм, а также попытаться выяснить, чем эти отличия вызваны, и объяснить их с точки зрения семантики отрицания. В настоящем исследовании не проводится полная процедура такого рода (рассмотрена контрастивная пара положительных контекстов и только один отрицательный), однако содержится материал, позволяющий сделать некоторые предварительные выводы.

Представленное исследование основано на данных джуенского говора нанайского языка, которые были собраны в 2013 и 2016 гг. Джуенский говор на данный момент находится в наилучшей сохранности, по сравнению с другими говорами нанайского языка. Им владеют нанайцы, проживающие в селе Джуен на озере Болонь, которое находится в бассейне реки Амур ниже по течению относительно мест распространения найхинского говора, легшего в основу литературного нанайского языка, описанного в грамматике В. А. Аврорина [1959; 1961] и во многих других работах по нанайскому языку. Хорошая сохранность джуенского говора проявляется прежде всего в том, что носители среднего (от 40 лет) и старшего поколений и сейчас пользуются нанайским языком в общении друг с другом, хотя и наравне с русским языком.

Исследование, представленное в этой статье, основано исключительно на данных, полученных методом элицитации. Таким образом была выявлена приблизительная акциональная классификация глаголов джуенского говора, определен базовый инвентарь отрицательных глагольных форм и получены интерпретации, которые могут получать глаголы разных акциональных классов в отрицательных формах. В Разделе 2 будет кратко представлена акциональная классификация глаголов джуенского говора. В Разделе 3 будет описан инвентарь отрицательных глагольных форм, наблюдаемых в джуенском говоре, и будет рассмотрена главная проблема статьи — взаимодействие отрицания и акциональности.

2. Акциональная классификация глаголов

Акциональная классификация глаголов джуенского говора нанайского языка была составлена по методу С. Г. Татевосова [Tatevosov 2002; Татевосов 2005; 2016] на основе выборки из 98 ситуаций, различающихся по своим свойствам (количеству аргументов, семантике, онтологическому классу участников и др.)². При составлении выборки за основу были взяты списки глаголов, использованные при получении акциональной классификации по тому же методу для других языков — для татарского [Лютикова и др. 2006], для калмыцкого [Овсянникова 2009] и для башкирского [Мищенко 2012]. Носителям джуенского говора предлагалось перевести на нанайский русские предложения, составленные с использованием указанной выборки. Предложения были составлены таким образом, чтобы можно было понять, какие интерпретации могут иметь соответствующие нанайские глаголы в формах

² Акциональная классификация глаголов других говоров нанайского языка — найхинского и горинского — подробно описана в [Оскольская 2017]. Она составлена на более полной выборке предикатов по уточненной методике. Обсуждаемая в статье акциональная классификация глаголов джуенского говора в упомянутой диссертации не представлена, поскольку она была выявлена лишь предварительно по первому варианту методики, имевшему ряд недостатков. Таким образом, приведенная здесь акциональная классификация приблизительна и требует дополнительной доработки и уточнений.

прошедшего и настоящего времени. В некоторых случаях носителям предлагалось оценить предложения на нанайском языке, содержащие определенную глагольную форму в интересующем нас контексте.

В результате эlicitации были определены акциональные характеристики 102 нанайских глаголов (некоторым ситуациям из выборки соответствовало несколько разных глаголов, а для некоторых других не удалось получить подходящего нанайского глагола). Акциональная характеристика каждого глагола состоит из двух частей: суммы возможных интерпретаций формы прошедшего времени с референцией к единичной ситуации и суммы возможных интерпретаций формы настоящего времени в актуально-длительном употреблении. Для кодирования интерпретаций использовались ярлыки, предложенные С. Г. Татевосовым: S — состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс (подробнее о значении этих ярлыков см. [Татевосов 2016: 42–96]), а также ярлык Q — квант мультипликативного процесса, предложенный П. М. Аркадьевым [2009]. Например, глагол с основой *tutu-* ‘бежать’ имеет акциональную характеристику <EP P, P>. Это означает, что в форме прошедшего времени *tutuxəni* он может выражать вхождение в процесс ‘побежал’ и сам процесс ‘бежал’, а в форме настоящего времени *tutujni* он выражает процесс ‘бежит’.

На основании акциональных характеристик глаголы были разделены на группы. Получившаяся акциональная классификация представлена в Таблице 1.

В Таблице 1 приведены полученные акциональные классы глаголов джуенского говора. Названия классов, указанные в первом столбце, во многом условны и соответствуют названиям акциональных классов в [Оскольская 2017] (за исключением пунктивного). Во втором столбце указана акциональная характеристика каждого класса: до запятой перечислены акциональные значения, которые глаголы допускают в форме прошедшего времени, а после запятой — акциональные значения формы настоящего времени. В третьем столбце указано количество нанайских глаголов, которые относятся к соответствующему классу. В последних двух столбцах перечислены основы нанайских глаголов с их переводом на русский язык. Акциональные классы в таблице приводятся от наиболее многочисленных к наименее многочисленным.

Таблица 1

Акциональная классификация глаголов джуенского говора

Класс	Характеристика	Кол-во глаголов	Глагол	Значение
слабый предельный	ES P, P	28	<i>žara-</i>	‘брать, ловить’
			<i>žǐži-</i>	‘возвращаться’
			<i>nā- / nāre-</i>	‘гнить’
			<i>taoča-</i>	‘гореть’
			<i>ese-</i>	‘доходить, достигать’
			<i>sore-</i>	‘драться’
			<i>siru-</i>	‘заострять’
			<i>tugdā-</i>	‘идти, падать (о дожде и снеге)’
			<i>pujsi-</i>	‘кипеть’
			<i>xulā-</i>	‘копать’
			<i>bojale-</i>	‘ломать’
			<i>təpčiu-</i>	‘начинать’
			<i>alose-</i>	‘объяснять’
			<i>jaŋsana-</i>	‘пачкаться’
			<i>žare-</i>	‘петь’
			<i>niru-</i>	‘писать’
			<i>ome-</i>	‘пить’
			<i>xapole-</i>	‘подметать’
			<i>jəwəri-</i>	‘лить’
			<i>bələči-</i>	‘помогать’
			<i>ži-</i>	‘приходить’
			<i>pō-</i>	‘пилить’
			<i>tagdawan-</i>	‘сердить’
			<i>doseža-</i>	‘слушать’
<i>bu(t)-</i>	‘умирать’			
<i>ožo-</i>	‘целовать’			
<i>xosese-</i>	‘чесаться, зудеть’			
<i>selko-</i>	‘чистить’			

Класс	Характеристика	Кол-во глаголов	Глагол	Значение
сильный предельный	ES, P	17	<i>žolo-</i>	‘бросать’
			<i>pujsi-</i>	‘вариться’
			<i>pakčeraŋgo-</i>	‘вечереть, темнеть’
			<i>niruŋgu-</i>	‘светать’
			<i>ele-</i>	‘вставать’
			<i>būlu-</i>	‘сохнуть’
			<i>gūp-</i>	‘гаснуть, потухать’
			<i>xože-</i>	‘кончать’
			<i>čīāči-</i>	‘мочиться’
			<i>tū-</i>	‘падать’
			<i>xatə-</i>	‘выигрывать’
			<i>dagsa-</i>	‘прилипать’
			<i>tugbu-</i>	‘пилить’
			<i>tago-</i>	‘чинить’
			<i>susuən-</i>	‘кататься с горки’
			<i>ūn-</i>	‘таять’
			<i>nixəli-</i>	‘открывать’
пунктивный ³	ES, —	16	<i>pačela-</i>	‘ударить’
			<i>ənulu-</i>	‘заболеть’
			<i>oŋbo-</i>	‘забыть’
			<i>geari-</i>	‘заострить’
			<i>akran-</i>	‘лечь’
			<i>təkə-</i>	‘лопнуть’
			<i>baogo-</i>	‘найти’
			<i>dərəži-</i>	‘остаться’
			<i>loptoli-</i>	‘оторвать’
			<i>žōŋgo-</i>	‘вспомнить’
			<i>m'očela-</i>	‘выстрелить’
			<i>xuədə-</i>	‘потерять’
			<i>xuədəp-</i>	‘потеряться’
			<i>pačelap-</i>	‘удариться’
			<i>ale-</i>	‘устать’
			<i>ənu-</i>	‘уйти’

³ Этот класс в [Оскольская 2017] называется инцептивным.

Класс	Характеристика	Кол-во глаголов	Глагол	Значение
непредельный	P, P	10	<i>duktə-</i>	‘бить’
			<i>guəŋgi-</i>	‘жужжать’
			<i>dūrə-</i>	‘ходить’
			<i>ičəčəgu-</i>	‘искать’
			<i>kəndəli-</i>	‘крутиться’
			<i>dəgdə-</i>	‘лететь’
			<i>buduri-</i>	‘спешить’
			<i>mʷočeče-</i>	‘стрелять’
			<i>mora-</i>	‘кричать’
<i>dəməxela-</i>	‘курить’			
стативный	S, S	8	<i>ənusi-</i>	‘болеть’
			<i>žapače-</i>	‘держать’
			<i>xalače-</i>	‘ждать’
			<i>bi-</i>	‘жить’
			<i>balže-</i>	‘жить’
			<i>ao-</i>	‘лежать, спать’
			<i>uləsi-</i>	‘любить’
<i>ača-</i>	‘подходить, быть в пору’			
слабый инцептивно-стативный	ES S, S	7	<i>ičə-</i>	‘видеть’
			<i>murči-</i>	‘думать’
			<i>otole-</i>	‘уметь’
			<i>gəkči-</i>	‘мерзнуть’
			<i>mutə-</i>	‘мочь’
			<i>pū-</i>	‘опухать’
			<i>ujŋə-</i>	‘чувствовать’
сильный инцептивно-стативный	ES, S	6	<i>ŋələ-</i>	‘бояться’
			<i>agda-</i>	‘верить’
			<i>sā-</i>	‘знать’
			<i>tagda-</i>	‘сердиться’
			<i>dolže-</i>	‘слышать’
			<i>ərdəŋgəsi-</i>	‘удивляться’

Класс	Характеристика	Кол-во глаголов	Глагол	Значение
слабый мультипликативный	Q MP, MP	3	<i>siymisi-</i>	‘кашлять’
			<i>ole-</i>	‘махать’
			<i>kaltā-</i>	‘трескаться’
слабый ингрессивно-непредельный	EP P, P	3	<i>tutu-</i>	‘бежать’
			<i>xajə-</i>	‘течь’
			<i>xončera-</i>	‘храпеть’
сильный мультипликативный	Q, MP	2	<i>tongala-</i>	‘коснуться’
			<i>toan-</i>	‘вытянуть’
двупредельный	EP P ES, P	1	<i>žəgdə-</i>	‘гореть’
ингрессивно-предельный	EP, P	1	<i>tətuə-</i>	‘надеть’

3. Акциональные классы и отрицание

Система отрицания нанайского языка включает в себя большое число различных средств выражения. При этом она не симметрична системе положительных форм ни семантически, ни формально (см. об отрицательной системе в нанайском [Оскольская, Стойнова 2016б]). Наибольшее разнообразие отрицательных показателей наблюдается в зоне прошедшего времени. На материале именно этих показателей проводилось исследование взаимодействия отрицания с акциональностью. Прежде чем приступить к обсуждению собственно взаимодействия акциональности и отрицания (разделы 3.3 и далее), мы сначала рассмотрим сами средства выражения отрицания, зафиксированные в джуенском говоре (раздел 3.1), и некоторые аспектуальные показатели, важные в контексте исследования (раздел 3.2).

3.1. Инвентарь средств выражения отрицания в прошедшем времени в джуенском говоре

Наиболее нейтральная и самая частотная конструкция для отрицания ситуации в прошлом состоит из отрицательной связки и формы

глагола с отрицательным суффиксом (1). Лично-числовой показатель факультативен.

- (1) *əčičə niru-ə(-ni)*
 NEG.COP.PST писать-NEG-3SG
 ‘не написал’

В эмпатических контекстах к связке может присоединяться частица *=dA*:

- (2) *əčičə=də niru-ə(-ni)*
 NEG.COP.PST=EMPH писать-NEG-3SG
 ‘так и не написал’

С помощью аналогичной конструкции, но со связкой *əčičəl*, передается значение ‘еще не, пока не’:

- (3) *əčičəl niru-ə(-ni)*
 еще.не писать-NEG-3SG
 ‘еще не написал’

Отрицание ситуации в прошлом может также выражаться трехчастной аналитической конструкцией, состоящей из отрицательной частицы *ət*, отрицательной формы глагола и вспомогательного глагола *ta-* ‘делать’ (4) или *bi-* ‘быть’ (5). Вспомогательный глагол принимает грамматические показатели времени и лица-числа:

- (4) *ət niru-ə ta-xa-ni*
 NEG писать-NEG делать-PST-3SG
 ‘не написал’
- (5) *ət niru-ə bi-čiči-ni*
 NEG писать-NEG быть-PST-3SG
 ‘не написал’

В отличие от нейтральной конструкции (1), конструкции (4) и (5) имеют дополнительные семантические компоненты: нарушение ожиданий (‘должен был написать, но не написал’) и импликацию о том, что ситуация не будет реализована в дальнейшем (‘не написал и, вероятно, не будет писать’).

Также в джуенском говоре наблюдается отрицательная конструкция, схожая с положительной формой имперфекта, ср. (6а) и (6б):

(6а) *niru-ə-si* *bi-čī(-ni)*
 писать-NEG-PRS быть-PST-3SG
 ‘{в тот момент} не писал; не писал {периодически}’

(6б) *niru-j* *bi-čī(-ni)*
 писать-PRS быть-PST-3SG
 ‘{в тот момент} писал; {раньше периодически} писал’

Данная отрицательная конструкция симметрична положительной как морфологически (отличается только наличием отрицательного показателя), так и семантически (используется для отрицания прогрессивного или хабитуального действия в прошлом).

В грамматике нанайского языка В. А. Аврорина [1961] упоминаются еще два способа отрицания ситуации в прошлом: синтетическая форма (7) и аналитическая конструкция с показателем экзистенциального отрицания *aba* (8):

(7) *niru-ə-čī-ni*
 писать-NEG-PST-3SG
 ‘не написал’

(8) *niru-m=də* *aba*
 писать-CVB.SIM.SG=EMPH NEG.EXIST
 ‘не написал’

Эти конструкции также зафиксированы в наших материалах найхинского и сикачи-альянского говоров (см. [Оскольская, Стойнова 2016б]). Однако носители джуенского говора их не используют.

3.2. Показатели инхотива *-IO* и рефактива *-gO*

В описываемых ниже тестах на аспектуальную интерпретацию глаголов под отрицанием, помимо собственно отрицательных конструкций, были использованы также формы с показателями а) инхотива, б) рефактива. Кратко опишем их, прежде чем перейти к рассмотрению самих тестов.

Показатель инхоатива *-lo* присоединяется к подавляющему большинству глаголов, образуя дериват со значением ‘начать V’ (с возможными нюансами в зависимости от семантики и акциональной характеристики глагола), см. [Оскольская, Стойнова 2012]. Ср.:

- (9) *Tuj ta-miə čaŋala-lo-xa-ni.*
 так делать-CVB.SIM.SG петь.русскую.песню-INCH-PST-3SG
 ‘Потом вдруг песню запел.’ (тексты 2009–2013)

Рефактивный показатель *-gO* также достаточно продуктивен. Основной круг его значений относится к области рефактивной зоны (зоны повторения и возвращения): ‘(двигаться) в обратном направлении’, ‘возвращаться в исходное состояние’, ‘делать повторно’ (см. [Оненко 1977; Оскольская, Стойнова 2014]). Ср.:

- (10) *Aj ose-go-mi čela-xam-bi.*
 хорошо становиться-REP-CVB.SIM.SG не.мочь-PST-1SG
 ‘А я все не могла поправиться (букв. ‘снова стать здоровой’).’
 (тексты 2009–2013)

Для некоторых глаголов, однако, наряду с собственно рефактивной интерпретацией или вместо нее показатель рефактива может иметь также комплетивную интерпретацию: ‘доделать после перерыва / доделать до конца / сделать полностью’ (о типологических возможностях совмещения рефактивного значения с комплетивным см. [Стойнова 2013]). Такая интерпретация, как кажется, сравнительно широко распространена в рассматриваемом нами джуенском говоре. Нам она в данном случае особенно интересна, поскольку, по нашим наблюдениям, она меняет акциональный класс исходного глагола на сильный предельный. Тот же эффект наблюдается для реститутивной интерпретации (‘возвращение в исходное состояние’), см. [Оскольская 2017: 261].

3.3. Тест на аспектуальную интерпретацию отрицательной формы

Можно предположить, что в зависимости от акциональных свойств глагольной основы будет различаться интерпретация конструкции

отрицания прошедшего времени. Теоретически возможны (как минимум) две интерпретации: а) отрицание всей ситуации и б) отрицание части ситуации, а именно ее завершающей (результатирующей) фазы.

В исследовании поведения глаголов разных акциональных классов под отрицанием нами был использован следующий простой тест. Для каждого глагола мы проверяли возможность употребления в контексте ‘начал V, но не V’ — V-INCH.PST ... V-NEG.PST. Информантам предлагалось оценить приемлемость нанайских фраз типа (11а–б), первая часть которых содержала тестируемый глагол в прошедшем времени, оформленный показателем инхоатива (‘начал V’), вторая — отрицательную конструкцию прошедшего времени с тем же глаголом (‘не V’). Помимо оценки фразы-стимула, информанты должны были предложить для нее русский перевод (это делалось, чтобы проконтролировать, что фраза понята информантом в соответствии с замыслом эксперимента). На семантическом уровне таким образом, соответственно, устанавливалось, может ли отрицательная форма прошедшего времени соответствующего глагола реферировать только к результирующей фазе ситуации, но не ко всей ситуации целиком, т. е. может ли отрицаться только часть ситуации в прошлом, интерпретация б) выше. Ср. разные результаты теста для глаголов ‘ломать’ в (а) и ‘варить’ в (б):

(11а) ^{OK} *Taj piktə xupikəm-bə bojale-lo-xa,*
 тот ребенок игрушка-ACC ломать-INCH-PST
əciə=də bojale-a.
 NEG=EMPH ломать-NEG

‘Ребенок пытался сломать игрушку, но не сломал.’ (jgd)

(11б) ^{??} *Əniə čolom-ba pujū-lu-xə, əciə=də pujū-rə.*
 мать суп-ACC варить-INCH-PST NEG=EMPH варить-NEG

Ожид.: ‘Мать начала варить суп, но не доварила.’ (jgd)

Из перечисленных в 3.1 конструкций отрицания для этого теста была выбрана самая нейтральная конструкция с частицей *əciə* (в предлагаемом контрастивном контексте оформленная эмфатической клитикой =*dA*). Прочие показатели отрицания прошедшего времени в силу их более узкой семантики в тесте не использовались.

Помимо данного, основного, теста нами был проведен также следующий дополнительный тест. В качестве потенциальной контрастивной

пары к описанному отрицательному контексту брался аналогичный контекст, но такой, где глагол под отрицанием был оформлен показателем рефактива в его комплетивном значении — ‘начал делать V, но не доделал V’: V-INCH.PST ... V-REP.NEG.PST, см. (12):

- (12) *Ama arake-wa ome-lo-xa, əciə=də ome-go-a.*
 отец водка-ACC пить-INCH-PST NEG=EMPH пить-REP-NEG
 ‘Отец начал пить водку, но не допил.’

Ожидалось, что для части глаголов, для которых основной тест дает отрицательный результат, употребление в том же контексте глагола с показателем рефактива (про который на материале положительных форм установлено, что он меняет акциональную характеристику глагола, акцентируя результат ситуации, см. выше) может давать положительный.

Оба теста проводились с двумя информантами — носителями джунгского говора (jgd и gad). С одним информантом проверена выборка из 56 глаголов (jgd), с другим — меньшая выборка из 50 глаголов (gad). Для большинства глаголов выборки был также заранее установлен «положительный» акциональный класс по процедуре, учитывающей положительные перфективный и имперфективный контексты, см. раздел 2.

При использовании указанных двух тестов возникали следующие технические и содержательные проблемы, требующие оговорки. Первая проблема связана с ограниченной продуктивностью использованных в тестах показателей инхоатива и рефактива. Инхоатив обладает высокой, но все же не абсолютной продуктивностью. Рефактив далеко не для всех глаголов дает интересующую нас комплетивную интерпретацию. Чтобы избежать ложноотрицательного результата теста, для каждого из глаголов выборки дополнительно проверялась потенциальная возможность сочетания с инхоативом и рефактивом, и несочетающиеся с ними глаголы, в частности часть пунктивных, рассматривались на особых основаниях (помета «—» в таблице ниже).

Вторая, очень существенная, проблема касается интерпретации инхоативного показателя. На самом деле в используемом нами тесте склеены два теста — тест собственно на отрицание, который нас и интересовал (вторая часть фразы), и тест на инхоатив (первая часть фразы). Известно, что показатель инхоатива может иметь при разных лексемах не вполне одинаковые (хотя и в первом приближении

описываемые общим ярлыком ‘начать V’) значения и выбор значения при конкретной лексеме, что в данном случае важно, может коррелировать с ее акциональным классом, см. [Недялков 1987]. В частности, при некоторых глаголах инхоативный показатель может интерпретироваться скорее как указывающий на подготовительную, чем на собственно начальную фазу ситуации. Зафиксированы такие случаи и для нанайского языка, см. [Оскольская, Стойнова 2016a] (ср. *bu-lu-xə-ni* умирать-INCH-PST-3SG ‘плохо себя чувствует (букв. ‘начал умирать’)). Это создает следующие сложности. По исходному замыслу теста, видя положительный его результат для данного глагола (т. е. оценку информантом соответствующей фразы как приемлемой), мы делаем вывод о том, что отрицательная конструкция прошедшего времени способна иметь интерпретацию отрицания части (завершающей фазы, результата) ситуации. Вывод этот делается на основании того, что во фразе имеется левый контекст (глагол с показателем инхоатива), указывающий на то, что ситуация имела место (началась): ‘начал делать, но не закончил’. Однако, имея в виду возможную неоднозначность самого показателя инхоатива, приходится предположить, что (ложно) положительный результат этот тест может давать еще в одном случае, а именно когда отрицательная конструкция в правой части фразы-стимула имеет на самом деле интерпретацию отрицания всей ситуации, а не ее части, а приемлемость фразы достигается за счет нестандартной интерпретации инхоатива в левой части — как указывающего на подготовительную, а не начальную фазу ситуации: не ‘начал делать, но не закончил’, а ‘собирался сделать, но не сделал’. Разграничить эти два случая на практике, к сожалению, достаточно сложно. Можно ориентироваться на русский перевод, даваемый информантами соответствующей фразе, однако это не всегда надежно (непонятно, например, каким из двух способов трактовать переводы вроде *начал было, но не сделал, пытался сделать, но не сделал*). Осознавая описанную сложность, на практике мы приняли решение трактовать все положительные результаты теста единообразно — как свидетельствующие о наличии соответствующей интерпретации у глагола, употребленного в конструкции отрицания прошедшего времени.

Еще одна сложность связана с тем, что, как кажется, на приемлемость / неприемлемость проверяемой интерпретации может влиять наличие в предложении каких-либо дополнительных модификаторов,

в частности модификатора *xət* ‘весь, полностью’. В исходных предложениях-стимулах таких модификаторов не было, но нельзя быть твердо уверенными, что они не имелись в виду информантами при оценке предложений.

3.4. Результаты теста на аспектуальную интерпретацию отрицательной формы

Результаты описанной выше диагностики и ее соотношение с акциональной классификацией, построенной для положительных форм, представлены в Таблице 2. Первое, что необходимо отметить, — это что а) результаты разнились для двух опрашиваемых информантов, б) в некоторых случаях информанты затруднялись дать оценку предложениям-стимулам (в таблице знак вопроса и столбец «???»). Это не похоже на картину, наблюдаемую для «хороших» тестов на акциональную классификацию: для них носители обычно имеют единое мнение об интерпретации диагностических форм. Таким образом, уже по одному этому можно предположить, что этот тест выявляет какую-то иную, видимо, более тонкую и менее жесткую классификацию лексики.

В таблице ниже представлены — более интересные — данные, полученные от информанта jgd. Данные от информанта gad будут кратко охарактеризованы отдельно.

По данным таблицы можно сделать следующие наблюдения о соотношении результатов теста на отрицание и акциональной классификации положительных форм.

1) Для большинства акциональных классов глаголы, входящие в один и тот же класс, ведут себя неединообразно, хотя определенная связь с акциональным классом прослеживается.

2) Единообразный (и тривиальный) результат дает класс стативных глаголов. Для всех стативов запрещена интерпретация отрицательной конструкции прошедшего времени, при которой отрицается только фрагмент ситуации.

3) Для части пунктивных и слабых предельных глаголов диагностика оказывается неприменима, поскольку они не сочетаются с инхотивным показателем (см. раздел 3.3), столбец «п/а».

Таблица 2

Результаты теста на интерпретацию отрицательной конструкции прошедшего времени

Класс	Характеристика	№ глаголов	Отрицание результата	Отрицание факта	Отрицание результата (вер)	N/a	???
слабый предельный	ES, P, P	16	6: <i>bojale</i> - 'ломать'; <i>na-</i> - 'гнить'; <i>žiti-</i> - 'возвращаться'; <i>do-</i> <i>sožda-</i> - 'слушать'; <i>sože-</i> - 'драться'; <i>tugdā-</i> - 'идти; падать (о дожде; снеге)'	4: <i>žare-</i> - 'петь'; <i>niŋi-</i> - 'писать'; <i>pujsi-</i> - 'кипеть'; <i>xotorse-</i> - 'чесаться'	4: <i>ote-</i> - 'пить'; <i>pō-</i> - 'пилить'; <i>xarole-</i> - 'подметать'; <i>alose-</i> - 'объяснять'; (<i>puji-</i> - 'варить'; <i>xol(a)-</i> - 'читать')	2: <i>žara-</i> - 'брат'; <i>eše-</i> - 'доход- ить до'; (<i>wā-</i> - 'уби- вать')	
сильный предельный	ES, P	6	5: <i>tū-</i> - 'падать'; <i>gūr-</i> - 'гаснуть'; <i>ün-</i> - 'таять'; <i>ele-</i> - 'вставать'; <i>tago-</i> - 'чинить'; (<i>xolgo-</i> - 'сохнуть')	1: <i>nixali-</i> - 'откры- вать'			
пунктивный	ES, —		<i>xwadā-</i> - 'терять'; (<i>sälä-</i> - 'просыхаться'; <i>xore-</i> - 'лечить')	<i>orbo-</i> - 'забывать'		<i>baogo-</i> - 'на- ходить'; <i>xwadər-</i> - 'теряться'	
непредельный	P, P			(<i>sabada-</i> - 'капать')	(<i>gusərə-</i> - 'рассказы- вать')		
стативный	S, S	3	3: <i>uläsi-</i> - 'любить'; <i>äpüsi-</i> - 'болеть (о части тела)'; ' <i>ao-</i> - 'лежать; спать'	0	0	0	0

Класс	Характеристика	№ глаголов	Отрицание результата	Отрицание факта	Отрицание результата (REP)	N/a	???
слабый инцептивно-стативный	ES S, S	2	2: <i>icá-</i> 'видеть'; <i>gakíci-</i> 'мерзнуть'				
сильный инцептивно-стативный	ES, S	3	1: <i>ɲáɬa-</i> 'бояться'	2: <i>dolʒe-</i> 'слышать'; <i>sá-</i> 'знать'			
слабый ингрессивно-предельный	EP P, P		(<i>əɬa-</i> 'идти'; <i>gəɬəgu-</i> 'искать')				
сильный мультипликативный	Q, MP	1					<i>ɬəkə-</i> 'лопаться'
двупредельный	EP P ES, P	1					<i>ʒəgáɬa-</i> 'гореть'

* Условные обозначения: отрицание результата — глаголы, дающие положительный результат теста; отрицание факта — глаголы, дающие отрицательный результат теста; отрицание результата (REP) — глаголы, дающие отрицательный результат основного теста, но положительный с показателем рефактива; n/a — глаголы, для которых тест был неприменим в связи с зачетом на сочетаемость с инхоативом; ??? — глаголы, для которых информант затруднился в оценке

** — в скобках: глагол, для которого известна акциональная характеристика в другом (найхинском) говоре.

4) Класс предельных глаголов распадается на две группы. Одна группа глаголов допускает интерпретацию отрицания фрагмента ситуации. Для них это отрицание результирующей фазы ‘ситуация имела место, но не достигла результата’:

- (13) ^{OK} *ʒukə ū-lu-xə, əčʲiə=də ūn-də.*
 лед таять-INCH-PST NEG=EMPH таять-NEG

^{OK} ‘Лед начал таять, но до конца не растаял (например, из-за того, что снова похолодало).’

Другая группа этой интерпретации не допускает. Можно было бы предполагать, что граница между группами пройдет между сильными и слабыми предельными глаголами. Это не так, однако количественная корреляция имеет место. Слабые предельные делятся по результатам теста на отрицание на две примерно равные группы, тогда как среди сильных в группу, допускающую интерпретацию отрицания результата, попадает большинство глаголов (5 из 6: исключение — ‘открывать’).

5) Внутри класса слабых предельных глаголов выявляется интересный и, как кажется, семантически цельный подкласс глаголов, для которых обычная отрицательная конструкция не дает интерпретации отрицания результата, однако такая интерпретация возможна для тех же глаголов, оформленных показателем рефактива, (14):

- (14a) **Mī sī bičxə-wə-si xola-lo-xam-bi,*
 1SG 2SG письмо-ACC-2SG читать-INCH-PST-1SG
əčʲiə=də xola-a-i.
 NEG=EMPH читать-NEG-1SG

*‘Я начал читать твое письмо, но не дочитал.’

#‘Я начал читать твое письмо, но не читал его.’

- (14б) ^{OK} *Mī sī bičxə-wə-si xola-lo-xam-bi,*
 1SG 2SG письмо-ACC-2SG читать-INCH-PST-1SG
əčʲiə=də xola-go-a-i.
 NEG=EMPH читать-REP-NEG-1SG

‘Я начал читать твое письмо, но не дочитал.’

Видимо, как упоминалось выше в разделе 3.2, показатель рефактива переводит их в класс сильных предельных, для которых такая интерпретация отрицательной конструкции более характерна, см. выше.

Все это контролируемые глаголы, которые можно охарактеризовать как глаголы с постепенным накоплением эффекта ('пить', 'пилить', 'подметать', 'объяснять', 'читать'), а часть из них — как глаголы с инкрементальной темой. Впрочем, корреляция не жесткая: например, непонятно, почему в тот же класс не входит глагол 'писать'.

6) Примерно та же картина, что и для предельных, наблюдается для инцептивно-стативных глаголов. Есть корреляция результатов теста на отрицание с принадлежностью к сильным vs. слабым инцептивно-стативным, она соответствует интуиции о семантике этих классов, но распределение не строгое. Первая группа инцептивно-стативных глаголов может иметь интерпретацию отрицания фрагмента ситуации, в данном случае это значение вроде 'состояние началось, но не продолжилось', как в (15); для глаголов второй группы такое прочтение невозможно.

- (15) *Piktə gəkci-lu-xə, əciə=də gəkci-ə.*
 ребенок мерзнуть-INCH-PST NEG=EMPH мерзнуть-NEG
 'Ребенок замерзал, но (сильно) не замерз.'

В первую группу попадают все рассмотренные слабые инцептивно-стативные. Сильные инцептивно-стативные распределяются по обеим группам.

7) Отчетливой корреляции между возможностью иметь под отрицанием интерпретацию отрицания фрагмента ситуации и семантическими характеристиками глагола ни для предельных, ни для инцептивно-стативных глаголов установить не удастся (за исключением наблюдения 5) выше). Ср., например, отнесение к разным группам таких, на первый взгляд похожих, глаголов, как 'писать' и 'читать', 'видеть' и 'слышать' и под. Для некоторых многозначных глаголов обнаруживаются любопытные расхождения в интерпретации в зависимости от значения, см. об этом раздел 3.5.

8) По прочим акциональным классам у нас недостаточно данных для каких-либо утверждений.

Данные второго информанта (rad) отличаются от вышеприведенных.

1) Наблюдаются в общих чертах те же тенденции, что и для первого информанта. Однако интерпретация отрицания фрагмента ситуации допускается в целом для гораздо большего числа глаголов.

2) В частности, она допускается для всех сильных предельных и большинства слабых предельных, за исключением глагола ‘чесаться’.

3) Не выделяется группы глаголов, допускающих эту интерпретацию только при присоединении рефактива, см. 5) выше.

4) По-другому, но тоже (и еще заметнее) не в соответствии с границами акциональных классов делятся на группы инцептивно-стативные глаголы: не допускают интерпретации отрицания фрагмента ситуации глаголы: ‘видеть’, ‘слышать’, ‘знать’, допускают — ‘мерзнуть’, ‘бояться’.

Сформулированные наблюдения кратко резюмируются в Таблице 3.

Таблица 3

«Положительные» акциональные классы
и группы по поведению под отрицанием

Класс	Интерпретация отрицания фрагмента ситуации jgd	Интерпретация отрицания фрагмента ситуации gad
слабый предельный	да, нет	да, (нет)
сильный предельный	да, (нет)	да
пунктивный	да, нет, n/a	да, n/a
стативный	нет	нет
слабый инцептивно-стативный	да	да, нет
сильный инцептивно-стативный	да, нет	да, нет

3.5. Расхождения в интерпретации многозначных глаголов

В разделе 3.4 было отмечено, что отчетливых корреляций результатов теста на отрицание с семантикой глагола выявить не удастся (т. е. невозможно в общем случае предсказать, в какую из групп попадет тот или иной глагол). Ниже, однако, приводятся частные наблюдения над отдельными многозначными глаголами, такими что для одного значения тест на отрицание дает один результат, а для другого другой.

1) Глагол *tū-* ‘падать’ допускает под отрицанием интерпретацию отрицания результата в значении ‘упасть (о человеке): утратить

вертикальное (функциональное) положение’: ‘споткнулся, но) не упал’. Однако он не допускает его в значении ‘упасть (о дереве): о вертикальном объекте, закрепленном снизу’. В значении ‘упасть (о чашке со стола)’ не признается возможность присоединения показателя инхоатива, используемого в тесте.

2) Глагол *xolgo-* ‘сохнуть’ допускает интерпретацию отрицания результата (‘начал сохнуть, но не высох’) в значении ‘сохнуть (о рыбе, ягодах и т. п.): становиться сушеным’, но не в значении ‘сохнуть (о белье): переставать быть мокрым’. Для второго значения интерпретация отрицания результата возникает только при присоединении рефактивного показателя. Возможно, дело в том, что для первого значения результат более отчетлив — переход в иное качественное состояние.

3) Глагол *ənə-* ‘идти’ допускает интерпретацию отрицания фрагмента ситуации (‘начал было идти, но в итоге не пошел’) в значении движения в определенную точку (‘пошел куда-то’), но не в значении ‘двигаться, а не оставаться неподвижным’. Во втором значении, видимо, ситуация осмысливается как неопредельный процесс.

3.6. Обсуждение результатов

Выше было сформулировано простое предположение о том, что тест на возможность интерпретации отрицательной конструкции как отрицания фрагмента ситуации разделит глаголы на группы в соответствии с границами акциональных классов. Приведенные данные показывают, что это не совсем так. Для одного из информантов (*rad*) наблюдается большее соответствие акциональной классификации для предельных глаголов, для другого (*jgd*) — несколько большее в области инцептивно-стативных.

Однако определенные тенденции, не противоречащие интуиции о семантике акциональных классов, все же имеют место. Ср. их обобщение в Таблице 4.

1) Невозможность интерпретации отрицания фрагмента ситуации ожидается от глаголов, в положительной форме концептуализующих ситуацию как гомогенную, т. е. стативных и неопредельных процессов. Это, тривиальное, ожидание оправдывается.

2) Внутри класса предельных глаголов возможность интерпретации отрицания фрагмента ситуации ожидается в большей степени для сильных предельных, которые не имеют в положительной форме претерита процессной интерпретации и тем самым в большей степени, чем непредельные, акцентируют результивную фазу. Это ожидание оправдывается на уровне количественного распределения глаголов, допускающих искомую отрицательную интерпретацию, внутри класса сильных (большинство) и внутри класса слабых предельных глаголов (около трети).

3) Для класса инцептивно-стативных глаголов возможность интерпретации отрицания фрагмента ситуации ожидается, наоборот, в большей степени для слабых инцептивно-стативных, которые в положительной форме претерита имеют не только интерпретацию вхождения в состояние, но и интерпретацию состояния и, таким образом, акцентируют не только начало ситуации, как сильные инцептивно-стативные, но и ее продолжение. Ожидание также оправдывается не абсолютно, но на уровне количественного распределения глаголов.

Следовательно, можно сказать, что и для акциональной классификации, и для классификации по возможностям отрицания оказывается важным, насколько гомогенной представляется ситуация и насколько в ней акцентирована завершающая фаза, однако простым образом классификации друг на друга не накладываются.

Более сложная гипотеза состоит в том, что классификация по возможностям отрицания разделит глагольную лексику на классы, прямо не соответствующие положительным акциональным, однако в каком-то смысле симметричные им. Так, естественно считать, что тестируемая интерпретация под отрицанием соответствует одной из возможных аспектуальных положительных интерпретаций положительной формы, а если интерпретация запрещена, значит, у положительной формы нет такого значения, которому она могла бы соответствовать.

Для некоторых классов имеется более одной положительной интерпретации. Соответственно, в тех случаях, когда положительный акциональный класс дает неоднозначный результат по тесту на отрицание, можно предполагать, что это из-за того, что часть глаголов выбирает под отрицанием интерпретацию, соответствующую одной положительной интерпретации, а другая часть — интерпретацию, соответствующую другой положительной интерпретации. Возьмем, например, слабые предельные глаголы. Глаголы *bojale-* ‘ломать’ и *niru-* ‘писать’,

относящиеся к этому классу, оба имеют две интерпретации в положительной форме прошедшего времени — процессную и результативную. При этом первый под отрицанием допускает отрицание результата ('начал ломать, но не сломал'), а второй нет (*'начал писать, но не написал'). Можно говорить, что эта интерпретация соответствует результативной положительной, но не процессной, а про глаголы типа 'ломать' и типа 'писать', соответственно, считать, что они отличаются друг от друга тем, что первые под отрицанием ориентируются на результативную интерпретацию, а вторые — на процессную. При таком подходе классификация под отрицанием как бы вкладывается в положительную акциональную, делая ее более дробной.

Из объяснения выше понятно, откуда может браться деление на подгруппы для акциональных классов глаголов, которые в положительной форме претерита имеют более одной аспектуальной интерпретации. Однако, во-первых, остается непонятным, почему если у глагола есть некоторая положительная интерпретация, то ей может не соответствовать никакая отрицательная (т. е. почему, например, все слабые предельные глаголы имеют положительную результативную интерпретацию, но не все — соответствующую ей отрицательную). Во-вторых, эмпирические факты заключаются в том, что деление на «отрицательные» подгруппы происходит и для классов с единственной положительной интерпретацией в претерите, например, сильных предельных. Так, сильные предельные глаголы *iñ-* 'таять' и *nixəli-* 'открывать' оба имеют в положительной форме результативную интерпретацию ('растаял', 'открыл'), однако один допускает отрицание результата ('начал таять, но не растаял'), а другой нет (*'начал открывать, но не открыл'). Это, впрочем, тоже объяснимо. Дело в том, что ярлыку «результативная интерпретация» может соответствовать на самом деле две интерпретации, разные с точки зрения распределения информации, неразличимые в положительной форме: интерпретация, при которой в ассерции находятся и процесс, и результат ситуации, и интерпретация, при которой в ассерции находится только результат, а процесс составляет пресуппозицию. И только этой последней, по определению пресуппозиции, соответствует отрицание результата. Так, у глагола *tū-* 'падать' положительная форма претерита имеет результативное значение 'упал'. Однако непонятно, под 'упал' имеется в виду вся ситуация 'падал и достиг земли' или акцентирован только результат '{падал и}

достиг земли'. Второй возможности соответствует отрицательная конструкция с интерпретацией 'начал падать, но не упал': под отрицанием видно, что процессный компонент 'падал', раз он не отрицается, находился в пресуппозиции.

Соответственно, под отрицанием, по этой логике, число акциональных классов умножается за счет того, что противопоставляются глаголы, у которых при результитивной интерпретации процесс составляет / не составляет пресуппозицию. Подобное противопоставление в терминах пресуппозиции / ассерции обсуждалось, например, на материале русских видовых пар вроде *(не) решал* — *(не) решил* в [Падучева 1996: 112; 2013: 203]. Ту же логику можно распространить на класс слабых инцептивных глаголов: положительная интерпретация состояния может иметь или не иметь пресуппозицию вхождения в состояние.

Приведенные рассуждения позволяют почти во всех случаях, когда под отрицанием возможна интерпретация отрицания фрагмента ситуации, описать ее как симметричную одной из положительных аспектуальных интерпретаций, а также объяснить причину более дробного деления внутри «положительных» акциональных классов (не предсказывая, правда, какой именно глагол в какой подкласс попадет). Есть, однако, эмпирические факты, которые не укладываются и в эти рассуждения. Так, отрицательная конструкция, как показывает Таблица 2, может иметь интерпретацию отрицания фрагмента ситуации для части пунктивных и части сильных инцептивно-стативных глаголов. Но ни для тех, ни для других нет такого значения положительной формы претерита, которому бы логически соответствовала эта интерпретация отрицательной формы. См. Таблицу 4.

Эти последние факты свидетельствуют в пользу того, чтобы считать, что под отрицанием глагольная лексика может делиться на несколько иные акциональные классы, чем без отрицания.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; COP — связка; CVB — деепричастие; EMPH — эмфатическая частица; EXIST — экзистенциальное отрицание; INCH — инхоатив; NEG — отрицание; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REF — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Таблица 4

Соответствие интерпретаций глаголов
разных акциональных классов в положительной форме
и под отрицанием (прошедшее время)

Класс	Интерпретации положительной формы	Какой интерпретации соответствует отрицание фрагмента ситуации	Зафиксирована ли интерпретация отрицания фрагмента ситуации
слабый предельный	(P)ES, ES, P	(P)ES	да
сильный предельный	(P)ES, ES	(P)ES	да
пунктивный	ES	???	да
стативный / неопределенный	S/P	???	нет
слабый инцептивно-стативный	ES, S, (ES)S	(ES)S	да
сильный инцептивно-стативный	ES	???	да

*Условные обозначения: (P)ES — результативная интерпретация с процессом в пресуппозиции, (ES)S — состояние с вхождением в состояние в пресуппозиции.

Литература

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Аркадьев 2009 — Аркадьев П. М. Глагольная акциональность // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. Я. Г. Тестельца и др. М.: РГГУ, 2009.
- Лютюкова и др. 2006 — Лютюкова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шулинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Мальчуков, Храковский 2015 — Мальчуков А. Л., Храковский В. С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 9–32.
- Мищенко 2012 — Мищенко Д. Ф. Акциональность в башкирском языке. Хэндаут доклада в экспедиции в июле 2012 г.

- Недялков 1987 — *Недялков В. П.* Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 180–195.
- Овсянникова 2009 — *Овсянникова М. А.* Приложение. Список глаголов // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН V(2)* [Исследования по грамматике калмыцкого языка]. 2009. С. 857–865.
- Оненко 1977 — *Оненко С. Н.* Значение суффикса *-го/-гу* в современном нанайском языке // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 1977. С. 62–75.
- Оскольская 2017 — *Оскольская С. А.* Аспект в нанайском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2017.
- Оскольская, Стойнова 2012 — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка: Сб. науч. статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / Отв. ред. Е. М. Девяткина. М.: ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.
- Оскольская, Стойнова 2014 — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Рефактив в тунгусо-маньчжурских языках // Системные изменения в языках России. Тезисы докл. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург 16–18 октября 2014 г. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 56–58.
- Оскольская, Стойнова 2016а — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Проспектив в нанайском языке: особая форма или частная функция презенса? Хэндаут доклада, представленного на Рабочем совещании по типологии футурально-проспективной зоны 8–10 декабря 2016 г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. 2016.
- Оскольская, Стойнова 2016б — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. / Под ред. М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг. М.: МПГУ, 2016. С. 211–231.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2013 — *Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Стойнова 2013 — *Стойнова Н. М.* Показатели рефактива. М.: Аст-Пресс, 2013.
- Татевосов 2005 — *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
- Татевосов 2010 — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике: Дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Татевосов 2015 — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.

- Татевосов 2016 — *Татевосов С. Г.* Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- Храковский 1990 — *Храковский В. С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола. Опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36.
- Храковский, Мальчуков 2016 — *Храковский В. С., Мальчуков А. Л.* Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 51–83.
- Miestamo 2005 — *Miestamo M.* Standard negation. The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — *Miestamo M., van der Auwera J.* Negation and perfective vs. imperfective aspect // Cahiers Chronos. 2011. 22. P. 65–84.
- Tatevosov 2002 — *Tatevosov S.* The parameter of actionality // Linguistic Typology. 2002. № 6 (3). P. 317–401.